

Б.Л. О П А Б

АЛЕКСАНДР

БЛОК

ВЛ. ОРЛОВ

АЛЕКСАНДР
БЛОК

Очерк творчества

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Художественной Литературы

МОСКВА 1956

Дорогу
Константина Сверчанского
Педуну
с самим сердечным приветом
Родион

VIII. 1958

Venezuela, 88. Yu. Mervobia, I, n° 5. B.H. Opel ob

Спор об А. Блоке

На заключительных страницах книги Вл. Орлова «Александр Блок» есть слова, к которым нужно присоединиться с пламенным сочувствием: «...годы не только не отдалили Блока от нас, но сильно приблизили его к нам... Сейчас для Блока наступила история. Пришла пора точно выяснить объективный смысл его искусства и определить то место, которое занимает он в истории русской и мировой художественной культуры». К этому верному воззванию хотелось бы добавить, что, надо надеяться, категорически запретным станет теперь вольное обращение с именем гениального русского писателя, когда в зависимости от «угод» литературно-общественной ситуации А. Блок становился то менее, то более «признанным»...

Книга Вл. Орлова об А. Блоке впервые с такой полнотой ставит и с такой дальностью выясняет ряд нелегких вопросов, связанных с изучением блестящего и трагического пути в литературе поэта, стихи которого до сих пор для каждого человека являются одним из самых высоких жизненных переживаний.

Уже во «Введении» в книге читателю дается направление, в котором будет развиваться затем исследование. Это — настойчивое опровержение до сих пор еще живущей «легенды о Блоке», суть которой, по словам автора, «...сводится к тому, что Блок был объявлен отрешенным от жизни певцом неземной Прекрасной Дамы, пережившим роковое крушение своей мистической веры и с отчаяния впавшим в мрачный, беспросветный пессимизм». Это опровержение необходимо было сделать не только по самому фактическому существу вопроса, — каждый читатель, вновь и вновь переживающий поэзию А. Блока, знает, насколько она шире, величественнее, человечнее ходячего «декадентства», — но и потому, что мы долгое время были очень неправы, легко отдавая сложные, но пленительные явления культуры прошлого этому прошлому...

Охарактеризованной выше пошлой «легенде о Блоке» Вл. Орлов противопоставляет иную концепцию творчества А. Блока, исходящую из реального содержания

Вл. Орлов. «Александр Блок. Очерк творчества». Гослитиздат, 1956. 261 стр.

М. ЩЕГЛОВ + 1956

блоковской поэзии, отразившей с огромным поэтическим подъемом и «бесстрашной» искренностью путь выдающей-

ся, глубоко гуманной и благородной личности поэта, который явился подлинным эхом своего времени и шел от утонченных фантазий и келейных сновидений через годы, полные вещих событий, тревог и душевой борьбы, в самое горнило огненной и бурной действительности — к народу, творящему революцию. Книга Вл. Орлова утверждает величие и знаменательность судьбы поэта, «...Понять общий смысл искусства Блока, — пишет Вл. Орлов, — можно лишь при том условии, если применить к нему большой исторический масштаб... Блок весь — в широком и бурном потоке великой русской литературы с ее темами, традициями, идеально-художественной проблематикой, а не в маркизовой луже символизма».

Вл. Орлов — крупнейший знаток не только поэзии А. Блока, но и всего связанного с поэтом историко-литературного материала. В этой небольшой книге — настоящее изобилие высказываний А. Блока — из его статей, писем, дневников. Многое почерпнул Вл. Орлов из мемуаров современников, в том числе зачастую еще не ставших широко употребимыми, а иногда просто редкостными и счастливо найденными. И даже известные факты подчас звучат в книге свежо, как в первом чтении. Это изобилие литературоведческого «материала» идет порой даже во вред книге, так как на некоторых из ее страниц объяснение творческой эволюции А. Блока, поэта прежде всего, исходит, однако, не из фактов его поэзии, а на основе приводимых цитат из его статей, публистики и дневниковых записей. И «очерк творчества» порою превращается в «очерк идеологии», в анализ идей и умонастроений поэта в тот или иной период.

Известны слова А. Блока о себе: «...знаю, что путь мой в основном своем устремлении — как стрела — прямой, как стрела — действенный». Это основное устремление блоковского пути от поэтической замкнутости и тайнописи символизма — к жизни, к родине, к революции, от Вл. Соловьева — к классической ясности интересует Вл. Орлова по преимуществу. Он

обнаруживает его с подлинным мастерством, когда раскрывает в «Стихах о Прекрасной Даме», вопреки символистской об разной мистификации, «...радость и прелесть здешнего, земного бытия...», когда исследует стихи «переходного периода» (1904—1906 гг.) с точки зрения блоковского увлечения «мистицизмом в повседневности», сближающего его эстетику этих лет с Достоевским. Интересны многие замечания Вл. Орлова о поэтическом стиле Блока.

Сам А. Блок называл три тома своей лирики «трилогией», «романом в стихах». Наиболее сильные страницы книги Вл. Орлова относятся к анализу произведений зрелого Блока — стихов его третьего тома. Эта глава книги, названная «Земное сердце», во второй ее половине представляется нам особенно ценной по научности подхода к «тайкам» поэзии, по очень нуткому опущению человеческого существа блоковских стихов, в том числе самых трагических. Здесь следует отметить мое: заключение автора о «лирическом герое» третьего тома, который уже не является ни в какие маски и костюмы, не окружен никакой условной декорацией, а есть «...просто человек» своего времени, живущий и действующий среди подобных ему; важные суждения автора о теме Родины, теме «страшных лет России» в творчестве Блока, как основном лирическом содержании его поэзии («Это все о России»), — говорил А. Блок, имея в виду все свои стихи); наконец, очень вдумчивые конкретные наблюдения над реальностью символики у поэта или, скажем, замечание о том, как «...в самых лирически-интимных стихах Блока всегда присутствуют не только два героя лирического романа — «я» и «ты», — и третий — «мир». Все это подтверждает толкование Вл. Орловым стихов третьего тома, «...вершины мировой лирической поэзии начала XX века», сообщившей жанрам «чистой» лирики чувство огромного историзма и трагического созвучия «музыке» эпохи, «мируому оркестру» даже в самых «усиленных» поэтических мотивах.

Но этим превосходным по глубине проникновения в мир поэта страницами монографии о Блоке странно противоречит один, упорно отстаиваемый Вл. Орловым общий тезис. В разных местах книги мы встречаем утверждения примерно одного и того же порядка, сводимые Вл. Орловым в концепции следующей мысли: «Суть всего идейно-творческого развития Блока заключалась в преодолении им принципа

субъективности, в открытом тяготении к миру объективной действительности, которую он понимал, как единое объективное бытие, включающее в себя всякую личность, и личность поэта в частности».

Может быть, слова о преодолении субъективности — это обычная обиходная неточность, из-за которой «субъективность» — неотъемлемое свойство каждого лирического дарования — означает то же, что «субъективизм»? Повидимому, это так и есть; ища общих слов для характеристики творческой эволюции А. Блока, исследователь остановился не на самых удачных и обоснованных, а как раз на тех, которые противоречат самому духу его исследования.

Но, однако, когда в книге Вл. Орлова аннотированный тезис укрепляется целым рассуждением о том, как передовая русская литература стремилась всегда найти «синтез личности и среды» и это будто бы нашло свое прямое выражение в творчестве В. Маяковского и А. Блока (хотя о последнем говорится, что «...шел он своим особым, окольным путем»), когда анализ героического «восхваления», пережитого А. Блоком в поэзии, подменяется порой «снижающими» рассуждениями о том, что А. Блок чего-то «не понял», во многом «ошибался», а весь драматический, значительный даже в самих заблуждениях его путь в поэзии, те мытарства души, о которых говорил поэт, изображаются, как верное следование через преграды, поворо-

ты и заминки, мы понимаем, что дело здесь не только в словах. Еще более настороживает нас то, что, по мнению Вл. Орлова, «...наивысшей точкой пройденного поэтом пути...» является стихотворение «Скифы» (вероятно, потому, что в этой пламенной оде Вл. Орлов не находит следов «субъективности»!).

Создается впечатление, что **общий взгляд** исследователя на поэзию противоречит тому непосредственному, вдумчивому общению с поэтом, которое мы с интересом наблюдаем в его книге. Кажется, что Вл. Орлов не вполне доверяет тому главному, что открывает перед читателем поэзия А. Блока, как и любого другого великого поэта, именно тому, что сам А. Блок, говоря о Врубеле, характеризовал, как «...громадный личный мир художника...». Вл. Орлов лучше других умеет раскрыть этот «громадный личный мир», он часто умело показывает, как душа поэта принимает в себя целую вселенную, и сочувственно цитирует стихи Блока: **«...и все уж не мое, а наше, и с миром утвердилась связь»**. Но нужно ли тогда говорить о «преодолении субъективности», **те ли это слова?** Не является ли это, напротив, гениальным гештальтистским расширением субъективности, вплоть до включения в область личных переживаний всех волнений, бурь, скорбей и прозябаний мира? Когда мы говорим о большом художнике, то даже пафос полного растворения в «массе», пафос пол-

ной объективности в отражении земных картин является делом чувств поэта. Невнимание к «субъективности» приводит, например, к тому, что при анализе цикла «Итальянские стихи» Вл. Орлов упоминает все, что может заявить о поисках А. Блока «объективности», о разрыве его с «лирической стихией»: тут и черты классического стиля в пейзаже, и живопись Возрождения, и типично блоковская апелляция к «очистительным векам», то есть к будущему, и нет здесь только одного — упоминания о том, что в этом цикле заключены, может быть, наиболее «дерзкие» по «личному» мироощущению, гениальные в своем трагизме «дантовские» стихи — «Холодный ветер от лагуны...» и «Жгут раскаленные камни...».

Книга Вл. Орлова об Александре Блоке, как мы видим, не свободна ни от недостатков, ни от предвзятости. Но, однако, это — первое, после долгого перерыва, значительное научное изыскание о поэте, написанное с глубокой осведомленностью и с пониманием насущной нужды современного литературоведения. Книга Вл. Орлова выигрывает спор об А. Блоке. Она успешно пропагандирует новое, более высокое отношение к Блоку как к классику русской поэзии, ставшему в один ряд с ее «старшими богатырями».

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
№ 93 7 августа 1956 г. 3